

Лесевицкий Алексей Владимирович

РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Автор анализирует влияние творческого наследия Ф. М. Достоевского на представителей европейского экзистенциализма, главное внимание уделяя различию идей представителей атеистического направления экзистенциализма и размышлений русского писателя о сущности человека, о социальном отчуждении и анархическом элементе свободы, и приходит к выводу, что нельзя в полной мере причислить Ф. М. Достоевского к предшественникам данного философского направления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. I. С. 61-64. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ROLE IN RUSSIAN NATIONAL AND STATE IDEOLOGY DEVELOPMENT

Vladimir Aleksandrovich Kornev, Ph. D. in Philology
Department of Classical and Natural Science Disciplines
Voronezh Institute of Cooperation
vkornev48@yandex.ru

The author considers the diachronic and synchronic aspects of the basic features of Russian national character, Orthodoxy role in its formation and the ways of Russian Orthodox Church and state interaction in the revival of the Russian national idea.

Key words and phrases: Russian national character; Orthodoxy; church; national idea; upbringing; education.

УДК 1(091)+141.32

Автор анализирует влияние творческого наследия Ф. М. Достоевского на представителей европейского экзистенциализма, главное внимание уделяя различию идей представителей атеистического направления экзистенциализма и размышлений русского писателя о сущности человека, о социальном отчуждении и анархическом элементе свободы, и приходит к выводу, что нельзя в полной мере причислить Ф. М. Достоевского к предшественникам данного философского направления.

Ключевые слова и фразы: экзистенциализм; Ф. М. Достоевский; философия кризиса; социальное отчуждение; смысл существования; страх; одиночество; религиозная вера.

Алексей Владимирович Лесевицкий

Пермский финансово-экономический колледж (филиал) Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
Lesev100@mail.ru

РОЛЬ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА[©]

Современная цивилизация вошла в систему глобального кризиса, проявления которого достаточно многогранны: экологический кризис, угрожающий всему человечеству, мировой финансовый коллапс, обнаживший губительность для цивилизации неконтролируемой гонки потребления, кризис общественной безопасности, который выражается в локальных военных конфликтах и жутких террористических актах.

Все это свидетельствует о том, что человечество зашло, в определенном смысле, в тупик. Необходимо понять, что вызвало такие глобальные негативные изменения и что необходимо предпринять для спасения погибающего подлунного мира. Нашу планету ныне можно сравнить с «Титаником», который на всех парах движется к катастрофе. «Между тем, бездна ничто уже заполняет этот корабль, – пишет в своем исследовании С. В. Поросенков, – проникая в каждого пассажира и поглощая в растущей волне самоубийств, психических болезней, многообразных актах насилия свои первые жертвы. Но на раздающиеся возгласы увидевших раскрывающуюся бездну ничто в измерениях океана сущего хотя бы притормозить корабль и понять, что происходит, «Титаник» человечества лишь ускоряет движение» [3, с. 390]. Нам важно осознать, что происходит с личностью, живущей в эпоху своеобразного «шока будущего», что происходит с индивидом, который не успевает перестроиться вслед за молниеносными изменениями современного социума. Как найти ответы на фундаментальные вопросы человеческого существования в эпоху глобальных перемен и катастроф? Есть ли они у кого-либо?

Известный факт, что в экзистенциальной философии рассматривается человек, находящийся в кризисной эпохе, испытывающий на себе негативные изменения самой сущности экзистенции. В силу этого, экзистенциализм становится достаточно актуальным направлением современной философской мысли. Но ответы на злободневные вопросы современности можно искать и нужно искать не только в трудах ученых этого философского направления, но и в классической литературе. Проблема кризиса цивилизации и человеческого существования отражена в достаточно большой части творчества Ф. М. Достоевского.

Но все же, на наш взгляд, было бы ошибкой называть Ф. М. Достоевского своеобразным предшественником экзистенциальной философии, так как имеются фундаментальные отличия идей Ф. М. Достоевского от большинства постулатов данного философского направления, которые необходимо учитывать.

Во-первых, необходимо упомянуть о цивилизационных отличиях творчества писателя от произведений большинства представителей экзистенциальной философии. Европейской Реформацией была сконструирована достаточно специфическая «модель» человека: если средневековое общество было во многом традиционным, межличностные связи были достаточно крепкими, то новое буржуазное общество требовало, чтобы эти межличностные связи распались. Рыночной системе необходим индивид, свободно вступающий в акт

купли-продажи на рынке рабочей силы. Проблемы обособленности и одиночества, межличностное отчуждение, отчуждение индивида от своего собственного «Я» – это удел современного «открытого общества» (если пользоваться терминологией К. Поппера). И в творчестве Ф. М. Достоевского содержится данная проблематика, но, в отличие от экзистенциалистов, для русского писателя подобное социальное одиночество человека – это своеобразная общественная «аномалия», нечто патологическое. Большинство экзистенциалистов, особенно атеистического крыла, замечают подобную социальную «аномалию», но не хотят рассматривать иную «модель» личности, которая видела бы в своем ближнем не конкурента, а друга.

Во-вторых, если в экзистенциализме атеистического направления социальное отчуждение неустранимо, так как иные – это всегда нечто сокрытое от нас, то в религиозном экзистенциализме остается последняя надежда на Бога, через него можно преодолеть многие коммуникативные барьеры. Но главное отличие позиции Ф. М. Достоевского от экзистенциалистов как религиозного, так и атеистического направления заключается в том, что русский писатель осознавал: без коренного изменения социальных отношений, царящих в обществе, невозможно преодолеть отчуждение одной личности от другой. Эта идея объединяет Ф. М. Достоевского с К. Марксом. Разумеется, мы не можем назвать писателя сторонником всей теории социализма, которую разработал немецкий философ и экономист, но по вопросу причин социального отчуждения оба мыслителя высказывают поразительно схожие идеи. Ф. М. Достоевский, в отличие от большинства экзистенциалистов, предлагает объединить «расколотую» противоречиями человеческую цивилизацию, но «проект» русского писателя во многом отличается и от подхода К. Маркса. Ф. М. Достоевский не приемлет саму идею социальной революции, в результате осуществления которой человек может стать своеобразным средством достижения этой «великой» цели. Ф. М. Достоевский, в отличие от немецкого мыслителя, был против превращения личности в средство достижения социального прогресса. Главное отличие позиции русского писателя от воззрений К. Маркса и экзистенциалистов заключается в том, что преодоление межличностного отчуждения возможно через систему православной соборности, которую Ф. М. Достоевский позиционировал как органичное сочетание единичного и всеобщего, единого и разнообразного, индивидуального и коллективного. Соборное единство предполагает принятие личностями, в него входящими, общих высших ценностей, но при этом сохраняются неповторимые черты каждого отдельного человека. Ф. М. Достоевский выступает как против индивидуализма, разрушающего человеческую солидарность, так и против светского коллективизма, нивелирующего личность; и соборность, по мнению писателя, синтезирует эти феномены, включая в себя их лучшие качества и преодолевая недостатки.

В-третьих, одной из важных проблем экзистенциальной философии является также вопрос утраты личностью смысла собственного существования. Человек современной эпохи испытывает на себе влияние так называемого «экзистенциального вакуума», он не в силах найти ответ на вопрос, для чего необходимо существовать. Присутствует подобная проблематика и в творчестве Ф. М. Достоевского: практически во всех романах писателя есть люди, задумывающиеся над смыслом жизни. Но коренное отличие позиции писателя от идей атеистических экзистенциалистов заключается в том, что русский мыслитель настаивает на неустранимости Бога (устранения которого, например, желали Ж. П. Сартр и А. Камю), потому что только в диалоге с ним можно обрести смысл собственного существования. Вслед за Ф. Ницше атеистические экзистенциалисты констатировали богооставленность современной цивилизации. И вместе с медленным процессом богоубийства западным обществом был порожден процесс нарастания абсурдности существования личности. Огромные массы людей потеряли всякий смысл собственного присутствия в мире. Представители атеистического экзистенциализма пытаются обрести смысл существования человека вне вечности. По мнению же Ф. М. Достоевского, подлинный смысл бытия человека на земле возможен, если личность неуничтожима, индивидуальное существование личности не прекращается вместе с физической смертью. Православная вера помогает человеку обрести послежизненный смысловой вектор, происходит своеобразная победа над абсурдом экзистенции.

В-четвертых, еще одной общей темой, объединяющей Ф. М. Достоевского и экзистенциалистов, является вопрос о феномене человеческого страха.

Уже после Ф. М. Достоевского немецкий философ К. Ясперс введет в научный обиход понятие «пограничной ситуации». Находясь между жизнью и смертью, существованием и Ничто, человек испытывает леденящее сердце чувство трепета. Наиболее ярко после теоретических разработок К. Ясперса эту проблему рассмотрел Ж. П. Сартр в художественном произведении «Стена». Ужас главного героя этого произведения порождает страх физической смерти. Он отвергает Бога, и надвигающаяся смерть вводит его в состояние оцепенения. М. Хайдеггер в своих работах много раз писал о том, что страх перед всемогущим Ничто помогает личности вернуться к самой себе, осознать себя подлинной, настоящей. Позиция же Ф. М. Достоевского заключается в том, что он говорит о феномене «социального страха», поэтому фобии персонажей Ф. М. Достоевского несколько иного рода. Например, Раскольников из романа «Преступление и наказание» не боится смерти, страх Ничто не возвращает его к самому себе. Раскольников не находится во власти всемогущего *das Man*. Он страшится совсем иного: главный герой романа «Преступление и наказание» опасается быть разоблаченным, в этом смысле фобии персонажа порождены не ужасом Ничто, а социальным окружением Раскольникова. Совершенное Раскольниковым преступление разъединяет его с другими, он утрачивает связь с миром, страх одиночества трагически беспокоит его. В творчестве Ф. М. Достоевского предпринята попытка преодоления трепета смерти. По мнению писателя, только мужество религиозной веры способно победить фобию несуществования. Если сравнивать романы Ф. М. Достоевского и Ж. П. Сартра, то можно обнаружить, что герои русского писателя не боятся умирать, потому что личность для верующего человека

неуничтожима. Смерть возможна во времени, вне времени ее не существует. В этом еще одно принципиальное отличие позиции Ф. М. Достоевского от большинства представителей атеистического экзистенциализма.

В-пятых, следующей общей темой, казалось бы, объединяющей Ф. М. Достоевского и экзистенциалистов, является вопрос о социальной и личной свободе личности. Впрочем, проблематика данного рода занимает центральное место только у двух представителей этой философии – Н. А. Бердяева и Ж. П. Сартра. В творчестве М. Хайдеггера, А. Камю и М. Буббера вопрос о свободе не является ключевым.

Н. А. Бердяев и Ж. П. Сартр – достаточно разные мыслители, но объединяет их скрупулезное исследование феномена социальной и индивидуальной свободы человека. Оба мыслителя испытали достаточно мощное влияние Ф. М. Достоевского. Разумеется, русский писатель ближе к идеям Н. А. Бердяева, чем к философии «последнего атеизма» Ж. П. Сартра. Несмотря на то что французский мыслитель называет Ф. М. Достоевского предшественником экзистенциальной философии, при более тщательном изучении творческого наследия русского писателя можно обнаружить фундаментальные различия между экзистенциалистами и Ф. М. Достоевским. Неоспоримо то, что наиболее разительным является отличие Ф. М. Достоевского от Ж. П. Сартра. Свобода, за которую ратует французский философ, коренным образом отличается от взглядов русского мыслителя на эту проблему. По мнению Ж. П. Сартра, никакая внешняя сила не ограничивает человека, индивид не ищет больше опоры у всемогущего Бога, он не помогает личности найти траекторию индивидуального развития. Человек абсолютно свободен, свободен не только от надличностного Абсолюта, но и от других личностей, всемогущего государства, от всевозможных обязательств перед другими. Но нужно отдать должное Ж. П. Сартру: наряду с абсолютной свободой человека, он говорит и о его ответственности. Отличие позиции Ф. М. Достоевского от системы философских идей французского мыслителя заключается в том, что религия, по мнению русского писателя, способна помочь человеку создать «конструктивную» систему личной ответственности. Вне религиозных догматов свобода может переродиться в стихию хаотическую и разрушающую. Так, в романе «Братья Карамазовы» имеется мудрая мысль о том, что «если Бога нет, то все дозволено». Ни закон, ни правовые нормы не способны погасить пламя анархической (вседозволенной) свободы личности, утратившей связь с Богом. В отличие от М. А. Бакунина и Ж. П. Сартра, Ф. М. Достоевский настаивает на том, что религия – это не одна из форм духовного порабощения человека, Бог не закабалит человека, а напротив, он дает ему настоящую, подлинную свободу. Бог – освободитель человека, а не его поработитель. «Решение антиномии таково: Бог хочет, чтобы мы исполняли Его волю (и в этом смысле хочет повиновения), – пишет в своей книге Б. П. Вышеславцев, – однако же не как рабы, не как наемники, а как друзья и сыны (и в этом смысле не хочет просто повиновения). Бог хочет любви, а во всякой любви есть свободное избрание, во всякой любви есть сочетание двух волей и двух свобод. Сын отвечает на этот «призыв» свободной любовью. На приказ тирана он ответил бы отказом в повиновении» [1, с. 106].

Нами названо достаточно много фундаментальных отличий позиции Ф. М. Достоевского от философии основных представителей экзистенциализма. Наиболее существенны противоречия в трактовке человека и сущности межличностного взаимодействия у писателя с представителями атеистического крыла данного направления философии, поэтому представляется некорректным называть писателя предшественником данной философской концепции. Но необходимо заметить, что и некоторые идеи русских религиозных экзистенциалистов существенно отличаются от подлинной позиции писателя. В этом смысле творчество Ф. М. Достоевского гораздо ближе к православному догматическому учению, чем позиция его экзистенциального интерпретатора – Н. А. Бердяева. Русский экзистенциальный мыслитель, в отличие от Достоевского, достаточно далеко отошел от святоотеческого учения, писатель же с каждым романом приближался к нему. «В “Преступлении и наказании”, “Бесах”, “Братьях Карамазовых” введены длинные евангельские отрывки – такие, как эпизоды с воскрешением Лазаря (Ин. 11, 1-44), – отмечает в своем исследовании С. Сальвестрони, – с бесноватыми из Гадаринской страны (Лк. 8, 32-36), Послание Лаодикийской церкви (Ап. 3, 14-17), фрагмент из эпизода Свадьбы в Канне Галилейской (Ин. 2, 1-11), а также огромное количество прямых и косвенных цитат из Святого Писания, количество которых неуклонно нарастает к последнему роману настолько, что почти каждая страница содержит эти цитаты» [4, с. 7]. Если Ф. М. Достоевский с каждой новой книгой приближался к православной догматической традиции, то, например, Н. А. Бердяев все дальше отходил от нее, развивая сугубо индивидуальные религиозно-философские построения. В своем фундаментальном исследовании В. В. Зеньковский отметит: «Для Запада Бердяев был и, вероятно, надолго останется выразителем духа Православия. Конечно, он впитал в себя многое из Православия, глубоко вжил в его дух, – но не знал он никаких затруднений и в том, чтобы одновременно повторять идеи Беме, порой Баадера, Шеллинга. В области догматической Бердяев нисколько не считался с церковной традицией, без колебаний отклонялся от нее, легко вбирал в себя чужие религиозные установки, отсюда его убеждение, что он защищает некое “универсальное” (или “вечное”) христианство. Когда Бердяев окончательно утвердился в мысли о “примате свободы над бытием”, то тогда ему стало совсем легко уходить в вольные построения» [2, с. 345].

Целая плеяда мыслителей России уловила гностические элементы философских построений Н. А. Бердяева, которые вышли за пределы догматов православной Церкви. Л. Шестов, например, в своем исследовании философии Н. А. Бердяева настаивал на том, что бердяевское учение имеет некоторые элементы нехристианского происхождения. В. Зеньковский и Л. Шестов находят в философии Н. А. Бердяева частицы немецкой мистики Я. Беме. Делая вывод, Л. Шестов утверждает, что Н. А. Бердяев не столько религиозный философ, сколько культуролог.

Не менее категорична в своей оценке недогматичности бердяевской философии и П. П. Гайдено, указывающая, что пафос некоторых религиозных рассуждений писателя является «люциферическим»; автор утверждает, что Н. А. Бердяев достаточно серьезно расходится с догматической православной традицией. В своей книге о Ф. М. Достоевском Н. А. Бердяев отметил, что русский писатель – носитель «нового христианства», который тоже все дальше отстранялся от церковной догматической традиции. Но, на наш взгляд, можно говорить о том, что Н. А. Бердяев выдает желаемое за действительное и приписывает Ф. М. Достоевскому некоторые свои черты. Ложность подобной реконструкции творчества писателя была замечена многими исследователями духовного наследия Ф. М. Достоевского. В частности, современный критик В. А. Котельников, в целом, справедливо указал, что Н. А. Бердяев принимает Ф. М. Достоевского лишь как соучастника бунтов, апологета небывалой свободы; но когда оказывается, что писатель мыслил свободу в глубоко церковных категориях, Николаю Александровичу приходится произвольно выводить писателя за пределы христианства исторического, пытаясь сделать из него глашатая «христианства нового».

Произвольность такой интерпретации была очевидна для многих читателей Н. А. Бердяева. Протоиерей В. В. Зеньковский убежден, что Н. А. Бердяев в определенном смысле субъективен, утверждая, что «антропология Достоевского отличается от антропологии святоотеческой. Достоевский, конечно, примыкает к истинной христианской (то есть святоотеческой) антропологии» [Там же, с. 487].

Также представляется не совсем корректным преувеличивать воздействие творчества Ф. М. Достоевского на представителей религиозного экзистенциализма. Связано это с тем, что многие представители экзистенциальной философии трактовали творчество Ф. М. Достоевского достаточно односторонне, субъективно и искаженно. Необходимо отметить, что идейное наследие писателя действительно многомерно и полифонично, но оно, разумеется, не содержит только экзистенциальной доминанты. Экзистенциальный подход к анализу творчества Достоевского не совсем корректен, так как помогает нам приоткрыть только одно измерение, одну сторону многогранного наследия писателя. Голос Ф. М. Достоевского-экзистенциалиста едва различим, он есть, но это не громоподобный голос. В этом смысле М. Бахтин, безусловно, прав, утверждая, что творчество писателя значительно сложнее, чем всевозможные социально-философские доктрины. Учитывая противоречивость высказываний писателя, появляется соблазн сказать, что он был весь соткан из сомнений, якобы не имел устойчивого мировоззренческого ядра: «Достоевский так же двойственен, как и Спиноза, как и все почти великие будители человечества. Для читателя – это источник постоянных, тягостных недоразумений. Он не знает, где “настоящий” Достоевский» [5, с. 69]. Нам представляется, что это не совсем так, необходимо настроить себя на восприятие несхожего с другими голоса Ф. М. Достоевского, и именно тогда возможна объективная реконструкция его творчества. Ф. М. Достоевский экзистенциален лишь в постановке своих вопросов, но не в их разрешении. Мир философских систем, составляющих сущность экзистенциальной философии, гораздо уже мира русского писателя.

Список литературы

1. **Вышеславцев Б. П.** Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
2. **Зеньковский В. В.** История русской философии: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. Т. 2. 389 с.
3. **Поросенков С. В.** Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 408 с.
4. **Сальвестрони С.** Библийские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб.: Академический проект, 2001. 187 с.
5. **Шестов Л. И.** Достоевский и Ницше. Философия трагедии. М.: АСТ, 2007. 220 с.

F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVE WORK ROLE IN EXISTENTIALISM FORMATION

Aleksei Vladimirovich Lesevitskii

*Perm' Financial and Economic College (Branch) of Financial University under the Government of the Russian Federation
Lesev100@mail.ru*

The author analyzes Dostoyevsky's creative heritage influence on the European existentialism representatives differentiating between the ideas of atheistic existentialism representatives and the Russian writer thinking about human nature, social disposition and the anarchic element of freedom and comes to the conclusion that Dostoyevsky cannot be completely reckoned among the ancestors of this philosophical direction.

Key words and phrases: existentialism; F. M. Dostoyevsky; crisis philosophy; social disposition; sense of existence; fear; loneliness; religious faith.